

Олимпиадная работа
школьного этапа
всероссийской олимпиады школьников
по литературе
образовательный 11-б класс
МБОУ гимназии 510 МК
Шейковай Виолетты Витальевны
педагог - наставник: Ткачук Ирина Михайловна

Тетрадь

для _____

учени _____ класса _____

_____ школы _____

Одиночество. Может ли быть одинок человек в громадном многолюдном городе? Именно проблему человеческого одиночества в большом городе освещает Л. Андреев в своем рассказе "Город".

Сюжет произведения основан на жизни некоего Петрова - именно о его страхах и мыслях, о его жизни повествует наш герой-рассказчик. Каждый год на Пасху Петров встречается с господином, имени которого не знает, но все же глубоко убежден в том, что они не просто знакомые, а хорошие приятели.

Композиция произведения идет по спирали: существует, так называемая, "точка возврата" - каждый год жизни Петрова мы возвращаемся в день Пасхи в дом господ Васильевских. Эта деталь показывает нам, что в жизни главного героя нет никакого развития - из года в год всё повторяется.

На протяжении всего рассказа звучит

мотив страха: это и страх Петрова перед большим городом (он «очень боялся города»), и его страх одиночества. Сам город представляется «упорным» и «равнодушно-пестотным»; а дома, «краснеющие холодной и жидкой кровью», «кибуют, как змеи». Эпитеты «краснеющие», «равнодушно-пестотный», «колоссализм» звучат угрожающе и пугающе. Страх Петрова перед городом, не единственный его страх: он боялся еще многолюдности: среди людей он, как никогда, чувствовал себя одиноким. Чем больше было людей, которые несли друг друга, тем ужаснее становилось одиночество каждого — Петров пришел в ужас, подсчитав, что за всю жизнь «он узнал всего двести пятьдесят человек».

Рассмотрим систему образов — главную ориентир повествования является сам Петров. Его внешность нельзя назвать привлекательной: он «был низкого роста», «каменной сутулостью», из-за чего многие принимали его за «горбатого», а шара у него «были большие и черные, с

пестоватыми белками». Судя по описанию, он имел довольно таки безумный вид. и-1

Рашишино автор выбрал не случайно: Петров — довольно распространенный рашишин, дав перо ей, он обезумел ею, соединил его одним из многих. Герой очень боязлив и, несомненно, у всех детей его образа, мы можем предположить, что он — «маленький человек». Доказать это помогает тот факт, что Петров «мил по телению», не пытаясь бороться со своими страхами.

Тот факт, что однажды он «на целый месяц зашиши», показывает нам его слабохарактерность. Окончательно мы осознаем факт того, что Петров — «маленький человек», когда он перестает наносить визиты Васильевским, а они это не замечают, «так как у них бывает много народа и они не могут всех запомнить». Мы можем провести параллели с «маленькими людьми», присутствующими в русской литературе, например, Акакий Акакиевич Н.В. Гоголя или так же потешительно, и его смерть тоже никто не

дальше, а стационный смотритель Тушкина
онсе помирает, незамеченный никем. Хотя
Петров и не умирает - о его дальнейшей
судьбе ничего не известно - он пропадает
бесследно и никто не интересуется, что с ним
приключилось.

Второй важнейшей фигурой в системе
образов является неизвестный во фраке и
со складным зонтиком. Автор не дает ему
имя, подчеркивая его еще больше, чем Петрова.
Если Петров наделен хоть какими-то чертами
личности, то всё, что мы знаем о внешности
неизвестного, то это то, что он всегда появляется
в гостях у Васильевских во фраке и со складным
зонтиком. Мы можем воспринимать его только
через призму восприятия Петрова, а тот, хоть и
считает его близким другом, кроме упомянутого
черта, знает лишь уверенность: "так как лишь
совсем не вспоминались, то выходило, будто
улыбаются фрак и хмурит". Главной чертой
был его "топ" и разговор про него, как только
закапывалась Паска. Мы почти ничего не
знаем о нем, но благодаря ему мы

понимаем, что у канцелярии у нас есть
такой значимый - мы не знаем, кто он, поэтому
даже не знаем, как его зовут, мы просто
встретились с ним однажды, не зная
о нем никакой информации.

Важную роль в рассказе играет звуковая
часть: мы слышим город, слышим, что он
живой. Впервые в рассказе появляются
звуки, когда мы узнаем, что Петров взял
себе комнату с видом на двор у окна.
Окна в комнате черная - его связь с внешним
миром. Он сознательно отказался от комнаты
с видом на улицу - внешний мир - и
заключился в себе - двор - внутренний мир
человека. Петров боялся "грохота уличной езды",
но даже "двойные стены не спасали от него".
Особенно его пугала ночь, в тени которой
"прогулка улица внезапно вривалась в
темную комнату и отнимала у нее покой".
Таким образом Петрову, часто хотелось
закричать от страха: "Далеко звуки города -
пугают".
Мотив одиночества "красной нитью" идет

через весь рассказ. Одиночество маленького человека в большом городе - главная проблема текста. Петров одинок - единственный друг, упоминаемый в произведении - тот самый неизвестный. Главный герой "часто сидит у себя в номере один и неизвестно, что делает", "но иногда Петров иногда выходит гулять", возвращается "всегда трезвый и всегда один." Гуляет по городу, однажды он почувствовал себя маленьким и одиноким среди домов, и ему почудилось, "что он задыхается и слышит" от всего великолепия ужаса. Когда герой зашел, он вел себя "неловко", или "со слезами и скандалами", а однажды предложил знакомой dame "быть его женой" - он хотел хоть как-то заглушить чувство одиночества. Случилось страшно было одному среди огромного количества людей - эта масса его пугала. Чтобы утешить себя, Петров перечислил своих знакомых, и их лишь "были как стена, которая отделяет его от бесконечности."

Писание квадрата - последний момент,

встречаемый нами в тексте. Это символ забытия, символ того, что перестает существовать. Прекращение существования - вот о чем нам хочет сказать автор - предположили мы видим еще в размышлениях Петрова: "Быть может, существовали еще люди, которых он знал, но он их забыл, и это было все равно, как будто их нет совсем." Люди живы, пока мы о них помним, но если о них забудут еще до их смерти, то они перестают существовать в нашей памяти. Вот почему в рассказе упомянуто количество: даже если Петров не умрет, он не существует более ни для одного человека, ведь все забыли не только о нем, но и о его существовании.

Обычно фраза "люди живы, пока мы о них помним" говорят об уже умерших людях. И. Андреев же показал, как люди, забытые при жизни, постепенно умирают в сознании других. Автор говорит, что необходимо помнить о людях, особенно о тех, кто был хоть когда-то дорог сердцу. Помнить о них, чтобы они жили в наших сердцах.

Задание 52

Кто такой герой? Герой — тот, кто спасает и всегда готов прийти на помощь? Герой — это всегда сильный человек? Скорее всего, я не смогу дать конкретный ответ на эти вопросы, но я точно знаю, кто мой герой.

Моя жизнь началась в большой семье — меня купили месячным щенком и привели в большой дом. Мой хозяин был высокий и сильный мужчина, у него была жена и двое сыновей. Я был рад оказаться в этой большой и счастливой семье. Сначала дети только играли со мной, много болтовались, но однажды они захотели, поиграть по-другому... Я неслился на изощренном саене, лезла на елки и прикрыв от удовольствия глаза. Но вдруг резко я ощутил боль. Как оказалось позднее, дети решили посоревноваться в меткости: снарядили были камни, а именно окалился я... Я потялся как можно скорее уйти с елки огня, но они были быстрее и сильнее меня...

После этого я долго отлеживался в тени

кустарников, покуривая от боли. Каждый камень, попавший в цель, оставил на мне синяки и ушибы. Когда меня напал хозяин, на меня посыпались оскорбления и пара ударов — он был недоволен тем, что я прячусь от него. Так началось мой ужасное существование... Однажды хозяин решил меня дрессировать, и каждый раз, когда я не понимал, что мне нужно делать, я получал тычки по ребрам ботинками.

Я рос. Дети продолжали придумывать все новые "игры", в которых именно становился я, а хозяин не прекращал попыток меня выдрессировать. В итоге я не выдержал и сбегал задаром, пока камешка останется открыта.

И так началось мое бесцельное скитание по улицам. Я бродил по переулкам, уже голодный и изнеможенный, и уже не имел сил идти дальше. Как-то, я узнал о каком-то подвезде.

Очнулся я от того, что кто-то трясет меня за ухом, и от этого "кого-то" очень вкусно пахло. Я открыл глаза и поднял голову.

Около меня на корточках сидела девушка,
а в руках у неё была пакля кабачки.
У меня потемнело в глазах от голода. Она
протянула её мне, дотронулась, пока я поел
и сказала: «Пошли домой!»

Вот так я нашел свой настоящий дом
и свою Родину. Вот кто мой герой. Мой
герой - та, ^{которая} ~~кто~~ столько поделится своей
заботой, и та, которая согревает меня своим
душевным теплом. И пусть она на вид
хрустка и беззащитна, внутри она очень сильна.
Она показала мне, что настоящим сила - та,
что внутри, - никогда не порождает жестокость.

Всероссийская олимпиада школьников
Литература
Ставропольский край город Невинномысск
Школьный этап
2019-2020 учебный год
11 класс

№ задания	1	2	Всего
Максимальный балл	70	30	100
Полученный учеником балл	63	25	88
Подпись проверяющего			

Задание 1. Выполните целостный анализ прозаического произведения, обращая внимание на идейно-тематические, сюжетно-композиционные, образные и др. особенности, значимые для его толкования.

ГОРОД

Л. Андреев

Это был огромный город, в котором жили они: чиновник коммерческого банка Петров и тот, другой, без имени и фамилии.

Встречались они раз в год — на Пасху, когда оба делали визит в один и тот же дом господ Василевских. Петров делал визиты и на Рождество, но, вероятно, тот, другой, с которым он встречался, приезжал на Рождество не в те часы, и они не видели друг друга. Первые два-три раза Петров не замечал его среди других гостей, но на четвертый год лицо его показалось ему уже знакомым, и они поздоровались с улыбкой, — а на пятый год Петров предложил ему чокнуться.

— За ваше здоровье! — сказал он приветливо и протянул рюмку.

— За ваше здоровье! — ответил, улыбаясь, тот и протянул свою рюмку.

Но имени его Петров не подумал узнать, а когда вышел на улицу, то совсем забыл о его существовании и весь год не вспоминал о нем. Каждый день он ходил в банк, где служил уже десять лет, зимой изредка бывал в театре, а летом ездил к знакомым на дачу, и два раза был болен инфлуэнцей — второй раз перед самой Пасхой. И, уже всходя по лестнице к Василевским, во фраке и с складным цилиндром под мышкой, он вспомнил, что увидит там того, другого, и очень удивился, что совсем не может представить себе его лица и фигуры. Сам Петров был низенького роста, немного сутулый, так что многие принимали его за горбатого, и глаза у него были большие и черные, с желтоватыми белками. В остальном он не отличался от всех других, которые два раза в год бывали с визитом у господ Василевских, и когда они забывали его фамилию, то называли его просто «горбатенький».

Тот, другой, был уже там и собирался уезжать, но, увидев Петрова, улыбнулся приветливо и остался. Он тоже был во фраке и тоже с складным цилиндром, и больше ничего не успел рассмотреть Петров, так как занялся разговором, едой и чаем. Но выходили они вместе, помогали друг другу одеваться, как друзья; вежливо уступали дорогу и оба дали швейцару по полтиннику. На улице они немного остановились, и тот, другой, сказал:

— Дань! Ничего не поделаешь.

— Ничего не поделаешь, — ответил Петров, — дань!

И так как говорить было больше не о чем, они ласково улыбнулись, и Петров спросил:

— Вам куда?

— Мне налево. А вам?

— Мне направо.

На извозчике Петров вспомнил, что он опять не успел ни спросить об имени, ни рассмотреть его. Он обернулся: взад и вперед двигались экипажи, — тротуары чернели от идущего народа, и в этой сплошной движущейся массе того, другого, нельзя было найти, как нельзя найти песчинку среди других песчинок. И опять Петров забыл его и весь год не вспоминал.

Жил он много лет в одних и тех же меблированных комнатах, и там его очень не любили, так как он был угрюм и раздражителен, и тоже называли «горбачом». Он часто сидел у себя в номере один и неизвестно, что делал, потому что ни книжку, ни письмо коридорный Федот не считал за дело. По ночам Петров иногда выходил гулять, и швейцар Иван не понимал этих прогулок, так как возвращался Петров всегда трезвый и всегда один — без женщины.

А Петров ходил гулять ночью потому, что очень боялся города, в котором жил, и больше всего боялся его днем, когда улицы полны народа.

Город был громаден и многолюден, и было в этом многолюдии и громадности что-то упорное, непобедимое и равнодушно-жестокое. Колоссальной тяжестью своих каменных раздутых домов он давил землю, на которой стоял, и улицы между домами были узкие, кривые и глубокие, как трещины в скале. И казалось, что все они охвачены паническим страхом и от центра стараются выбежать на открытое поле, но не могут найти дороги, и путаются, и клубятся, как змеи, и перерезают друг друга, и в безнадежном отчаянии устремляются назад. Можно было по целым часам ходить по этим улицам, изломанным, задохнувшимся, замершим в страшной судороге, и все не выйти из линии толстых каменных домов. Высокие и низкие, то краснеющие холодной и жидкой кровью свежего кирпича, то окрашенные темной и светлой краской, они с непоколебимой твердостью стояли по сторонам, равнодушно встречали и провожали, теснились густой толпой и впереди и сзади, теряли физиономию и делались похожи один на другой — и идущему человеку становилось страшно: будто он замер неподвижно на одном месте, а дома идут мимо него бесконечной и грозной вереницей.

Однажды Петров шел спокойно по улице — и вдруг почувствовал, какая толща каменных домов отделяет его от широкого, свободного поля, где легко дышит под солнцем свободная земля и далеко окрест видит человеческий глаз. И ему почудилось, что он задыхается и слепнет, и захотелось бежать, чтобы вырваться из каменных объятий, — и было страшно подумать, что, как бы скоро он ни бежал, его будут провожать по сторонам все дома, дома, и он успеет задохнуться, прежде чем выбежать за город. Петров спрятался в первый ресторан, какой попался ему по дороге, но и там ему долго еще казалось, что он задыхается, и он пил холодную воду и протирал платком глаза.

Но всего ужаснее было то, что во всех домах жили люди. Их было множество, и все они были незнакомые и чужие, и все они жили своей собственной, скрытой для глаз жизнью, непрерывно рождались и умирали, — и не было начала и конца этому потоку. Когда Петров шел на службу или гулять, он видел уже знакомые и приглядевшиеся дома, и все представлялось ему знакомым и простым; но стоило, хотя бы на миг, остановить внимание на каком-нибудь лице — и все резко и грозно менялось. С чувством страха и бессилия Петров вглядывался во все лица и понимал, что видит их первый раз, что вчера он видел других людей, а завтра увидит третьих, и так всегда, каждый день, каждую минуту он видит новые и незнакомые лица. Вон толстый господин, на которого глядел Петров, скрылся за углом — и никогда больше Петров не увидит его. Никогда. И если захочет найти его, то может искать всю жизнь и не найдет.

Мотив страха

И Петров боялся огромного, равнодушного города. В этот год у Петрова опять была инфлуэнца, очень сильная, с осложнением, и очень часто являлся насморк. Кроме того, доктор нашел у него катар желудка, и когда наступила новая Пасха и Петров поехал к господам Василевским, он думал дорогой о том, что он будет там есть. И, увидев того, другого, обрадовался и сообщил ему:

— А у меня, батенька, катар.

Тот, другой, с жалостью покачал головой и ответил:

— Скажите пожалуйста!

И опять Петров не узнал, как его зовут, но начал считать его хорошим своим знакомым и с приятным чувством вспоминал о нем. «Тот», — называл он его, но когда хотел вспомнить его лицо, то ему представлялись только фрак, белый жилет и улыбка, и так как лицо совсем не вспоминалось, то выходило, будто улыбаются фрак и жилет. Летом Петров очень часто ездил на одну дачу, носил красный галстук, фабрил усики и говорил Федоту, что с осени переедет на другую квартиру, а потом перестал ездить на дачу и на целый месяц запил. Пил он нелепо, со слезами и скандалами: раз выбил у себя в номере стекло, а другой раз напугал какую-то даму — вошел к ней вечером в номер, стал на колени и предложил быть его женой. Незнакомая дама была проститутка и сперва внимательно слушала его и даже смеялась, но, когда он заговорил о своем одиночестве и заплакал, приняла его за сумасшедшего и начала визжать от страха. Петрова вывели; он упирался, дергал Федота за волосы и кричал:

— Все мы люди! Все братья!

Его уже решили выселить, но он перестал пить, и снова по ночам швейцар ругался, отворяя и затворяя за ним дверь. К Новому году Петрову прибавили жалованья: 100 рублей в год, и он переселился в соседний номер, который был на пять рублей дороже и выходил окнами во двор. Петров думал, что здесь он не будет слышать грохота уличной езды и может хоть забывать о том, какое множество незнакомых и чужих людей окружает его и живет возле своей особенной жизнью.

И зимой было в номере тихо, но, когда наступила весна и с улиц скололи снег, опять начался грохот езды, и двойные стены не спасали от него. Днем, пока Петров был чем-нибудь занят, сам двигался и шумел, он не замечал грохота, хотя тот не прекращался ни на минуту; но приходила ночь, в доме все

успокаивалось, и грохочущая улица властно врывается в темную комнату и отнимала у нее покой и уединенность. Слышны были дребезжание и разбитый стук отдельных экипажей; негромкий и жидкий стук зарождался где-то далеко, разрастался все ярче и громче и постепенно затихал, а на смену ему являлся новый, и так без перерыва. Иногда четко и в такт стучали одни подковы лошадей и не слышно было колес — это проезжала коляска на резиновых шинах, и часто стук отдельных экипажей сливался в мощный и страшный грохот, от которого начинали подергиваться слабой дрожью каменные стены и звякали склянки в шкапу. И все это были люди. Они сидели в пролетках и экипажах, ехали неизвестно откуда и куда, исчезали в неведомой глубине огромного города, и на смену им являлись новые, другие люди, и не было конца этому непрерывному и страшному в своей непрерывности движению. И каждый проехавший человек был отдельный мир, со своими законами и целями, со своей особенной радостью и горем, — и каждый был как призрак, который являлся на миг и, неразгаданный, неузнанный, исчезал. И чем больше было людей, которые не знали друг друга, тем ужаснее становилось одиночество каждого. И в эти черные, грохочущие ночи Петрову часто хотелось закричать от страха, забиться куда-нибудь в глубокий подвал и быть там совсем одному. Тогда можно думать только о тех, кого знаешь, и не чувствовать себя таким беспредельно одиноким среди множества чужих людей.

На Пасху того, другого, у Василевских не было, и Петров заметил это только к концу визита, когда начал прощаться и не встретил знакомой улыбки. И сердцу его стало беспокойно, и ему вдруг до боли захотелось увидеть того, другого, и что-то сказать ему о своем одиночестве и о своих ночах. Но он помнил очень мало о человеке, которого искал: только то, что он средних лет, кажется, блондин и всегда одет во фрак, и по этим признакам господина Василевские не могли догадаться, о ком идет речь.

— У нас на праздники бывает так много народу, что мы не всех знаем по фамилиям, — сказала Василевская. — Впрочем... не Семенов ли это?

И она по пальцам перечислила несколько фамилий: Смирнов, Антонов, Никифоров; потом без фамилий: лысый, который служит где-то, кажется, в почтамте; белокуренький; совсем седой. И все они были не тем, про которого спрашивал Петров, но могли быть и тем. Так его и не нашли.

В этот год в жизни Петрова ничего не произошло, и только глаза стали портиться, так что пришлось носить очки. По ночам, если была хорошая погода, он ходил гулять и выбирал для прогулки тихие и пустынные переулки. Но и там встречались люди, которых он раньше не видал, а потом никогда не увидит, а по бокам глухой стеной высились дома, и внутри их все было полно незнакомыми, чужими людьми, которые спали, разговаривали, ссорились; кто-нибудь умирал за этими стенами, а рядом с ним новый человек рождался на свет, чтобы затеряться на время в его движущейся бесконечности, а потом навсегда умереть. Чтобы утешить себя, Петров перечислял всех своих знакомых, и их близкие, изученные лица были как стена, которая отделяет его от бесконечности. Он старался припомнить всех: знакомых швейцаров, лавочников и извозчиков, даже случайно запомнившихся прохожих, и вначале ему казалось, что он знает очень много людей, но когда начал считать, то выходило ужасно мало: за всю жизнь он узнал всего двести пятьдесят человек, включая сюда и того, другого. И это было все, что было близкого и знакомого ему в мире. Быть может, существовали еще люди, которых он знал, но он их забыл, и это было все равно, как будто их нет совсем. *догадывался, но не о них пошел*

Тот, другой, очень обрадовался, когда увидел на Пасху Петрова. На нем был новый фрак и новые сапоги со скрипом, и он сказал, пожимая Петрову руку:

— А я, знаете, чуть не умер. Схватил воспаление легких, и теперь тут, — он постучал себя о бок, — в верхушке не совсем, кажется, ладно.

— Да что вы? — искренно огорчился Петров.

Они разговорились о разных болезнях, и каждый говорил о своих, и когда расставались, то долго пожимали руки, но об имени спросить забыли. А на следующую Пасху Петров не явился к Василевским, и тот, другой, очень беспокоился и расспрашивал г-жу Василевскую, кто такой горбатенький, который бывает у них.

— Как же, знаю, — сказала она. — Его фамилия Петров.

— А зовут как?

Госпожа Василевская хотела сказать, как зовут, но оказалось, что не знала, и очень удивилась этому. Не знала она и того, где Петров служит: не то в почтамте, не то в какой-то банковской конторе.

Потом не явился тот, другой, а потом пришли оба, но в разные часы, и не встретились. А потом они перестали являться совсем, и господина Василевские никогда больше не видели их, но не думали об этом, так как у них бывает много народа и они не могут всех запомнить. *проблема не ч.*

Огромный город стал еще больше, и там, где широко расстилалось поле, неудержимо протягиваются новые улицы, и по бокам их толстые, распертые каменные дома грузно давят землю, на которой стоят. И к семи бывшим в городе кладбищам прибавилось новое, восьмое. На нем совсем нет зелени, и пока на нем хоронят только бедняков.

И когда наступает длинная осенняя ночь, на кладбище становится тихо, и только далекими отголосками проносится грохот уличной езды, которая не прекращается ни днем ни ночью.

Опорные вопросы:

1. Как раскрывается проблема человеческого одиночества в большом городе?
2. Каким видит большой город Л. Андреев?
3. За счет каких языковых средств писателю удастся передать звуки города?
4. Чем обусловлена концовка рассказа (короткое описание кладбища)?

Задание 2. По данному началу напишите небольшой текст и озаглавьте его.

Герои, герои, герои... Как часто думается о том, что сила рождает одну жестокость и не способна родить добро, как ядерная бомба, которая не способна ни на что, кроме как однажды взорваться. А может, есть сила добрая и есть могущество, не прибегающее к жестокости? (В. Белов.)